

- Туве Янссон

- ***
-

Тове Янссон
Дитя-невидимка

* * *

Темным дождливым вечером вся семья сидела на веранде вокруг стола и чистила грибы. Стол был накрыт газетами, посередине стояла керосиновая лампа. По углам веранды залегли тени.

— Мю снова набрала поганок, — сказал папа. — В прошлом году она собирала мухоморы.

— Надо надеяться, на следующий год это будут уже лисички, — сказала мама. — Или по крайней мере сыроежки.

— Приятнее жить с надеждой, — заметила малышка Мю, посмеиваясь про себя.

И они тихо и мирно продолжали чистить грибы.

Несколько легких ударов — тук-тук-тук — в окно веранды, и, не дожидаясь ответа, вошла Туу-тикки. Она отряхнула с плаща воду и, придерживая дверь, поманила кого-то из темноты: «Иди, иди сюда».

— Кто там с тобой? — спросил Муми-тролль.

— Нинни, — сказала Туу-тикки. — Этого детеныша зовут Нинни.

Она все еще придерживала дверь и ждала. Никто не появлялся.

— Ну вот, — пожалала плечами Туу-тикки. — Что ж, пусть на улице постоит, стеснительная какая.

— А она не промокнет? — спросила мама Муми-тролля.

— Не знаю, так ли уж это страшно, если ее все равно не видно, — ответила Туу-тикки, подходя и усаживаясь поудобнее.

Прервав свое занятие, все ждали объяснений.

— Вы же знаете, как это просто — стать невидимым, если тебя очень часто пугают, — сказала Туу-тикки и съела гриб, похожий на маленький аккуратненький снежок. — Ну так вот. Нинни испугала ее няня, которая вообще не любит детей. Я встречалась с этой ужасной няней. Видите ли, она не то чтобы злая, это еще можно понять. Но она бессердечная. и ироничная.

— Что такое «ироничная?» — спросил Муми-тролль.

— Ну, представь себе, что ты оступился и плюхнулся в уже почищенные грибы, — сказала Туу-тикки. — Само собой, твоя мама рассердится. А вот она — нет. Просто скажет с уничтожающим

спокойствием: «Я понимаю, это у тебя такой танец, но я была бы тебе весьма признательна, если бы ты плясал не на продуктах». Или что-нибудь в таком же духе.

— Фи, какая противная, — сказал Муми-тролль.

— Конечно, противная, — согласилась Туу-тикки. — Уж такая она, эта няня. Она иронизировала с утра до вечера, и в конце концов малышка стала растворяться в воздухе. В пятницу ее уже совсем не стало видно. Няня отдала ее мне и сказала, что категорически отказывается смотреть за детьми, которых она даже не видит.

— А что ты сделала с няней? — удивленно раскрыв глаза, спросила Мю. — Ты, конечно, ее поколотила?

— С теми, кто иронизирует, это бесполезно, — ответила Туу-тикки. — Я взяла Нинни к себе домой. А теперь привела малышку сюда, чтобы вы снова сделали ее видимой.

В комнате наступила тишина.

Только дождик шумел по крыше веранды. Все уставились на Туу-тикки и думали.

— Она разговаривает? — спросил папа.

— Нет. Но няня привязала ей на шею колокольчик, чтобы знать, где она находится. Туу-тикки встала и снова открыла дверь.

— Нинни! — прокричала она в темноту. Со двора повеяло осенней прохладой, за дверью веранды, на мокрой траве, лежал прямоугольник света. Через минуту робко и жалобно прозвонил колокольчик, он поднялся по ступенькам и затих. Маленький серебряный колокольчик на черной ленточке висел на небольшом расстоянии от пола. У Нинни, наверное, была очень тоненькая шейка.

— Ага, ты уже здесь, — сказала Туу-тикки. — Вот твоя новая семья. Иногда они бывают немного непонятливыми, но вообще-то они очень милые.

— Дайте ребенку стул, — сказал папа. — Она умеет чистить грибы?

— Я ничего не знаю о Нинни, — заявила Туу-тикки. — Я ее только привела к вам. Однако мне пора. Заглянете как-нибудь и расскажете, что у вас с ней получается. Ну, пока.

Когда Туу-тикки ушла, все члены семейства молча уставились на пустой стул с висящим над ним серебряным колокольчиком. И вдруг один гриб медленно поплыл вверх. Невидимые руки очистили

лисичку от хвои и земли, затем разрезали на кусочки и плавно опустили в миску. И новый гриб проплыл по воздуху.

— Здорово! — с уважением сказала Мю. — А попробуйте дать ей поесть. Интересно, видно будет, когда еда опустится в желудок?

— По-вашему, мы сможем снова сделать ее видимой?! — забеспокоился папа. — Не сводить ли ее к доктору?

— Думаю, не стоит, — сказала мама. — Может, ей хочется немножко побыть невидимой. Туу-тикки говорила, что она застенчива. Лучше не трогать ее, пока мы не придумаем что-нибудь путное.

Так и поступили.

Мама постелила Нинни наверху, в восточной комнате, которая в это время была свободной. Когда мама поднималась по лестнице, ее сопровождал звон колокольчика. Рядом с кроватью она разложила все, что каждый получал вечером: яблоко, стакан сока и три полосатые карамельки. Затем она зажгла свечку и сказала:

— А теперь Нинни будет баиньки. Надо хорошенько выспаться. А я накрою кофейник полотенцем, так что кофе не остынет. А если Нинни станет страшно или ей что-нибудь понадобится, надо просто спуститься вниз и позвонить.

Мама увидела, как одеяло приподнялось и улеглось маленьким холмиком, а на подушке образовалась ямка. Она спустилась в свою комнату и отыскала старые бабушкины записи:

«Верные домашние средства». От дурного глаза... Лекарство от меланхолии... От простуды... Нет, все не то. Мама листала странички. И вот в самом конце она нашла наконец запись, которую бабушка сделала уже не очень твердой рукой: «Если кто-то из твоих знакомых становится расплывчатым и трудноразличимым». Вот! Слава Богу. Мама внимательно прочла рецепт, который оказался довольно сложным. Потом она занялась приготовлением лекарства для Нинни.

Колокольчик, позванивая, спускался по лестнице, ступенька за ступенькой, с небольшими паузами перед каждым следующим шагом. Муми-тролль ждал этой минуты все утро. Но не серебряный колокольчик оказался сегодня самым захватывающим зрелищем. Удивительнее всего были лапки. Лапки Нинни, шагавшие вниз по ступенькам, маленькие ножки с крохотными пальчиками, боязливо

жмущимися друг к дружке. Видны были только они одни, и это представляло собой жутковатое зрелище.

Муми-тролль спрятался за кафельной печкой и, как зачарованный, смотрел на эти ножки, проследовавшие на веранду. Потом она пила кофе. Чашка поднималась и опускалась. Нинни ела хлеб с вареньем. Затем чашка медленно проплыла на кухню, ополоснулась и отправилась в шкаф. Нинни оказалась очень аккуратным ребенком.

Муми-тролль опрометью бросился в сад и закричал:

— Мама! У нее появились лапки! Их видно!

«Я в этом и не сомневалась, — думала мама, сидя на яблоне. — Бабушка свое дело знала. И как хитро я придумала — подмешать снадобье в кофе».

— Отлично, — сказал папа. — Но будет еще лучше, если она покажет свою мордочку. Мне, знаете ли, становится как-то не по себе, когда я разговариваю с теми, кого не видно. И с теми, кто мне не отвечает.

— Тсс, — предостерегающе сказала мама. Ниннины лапки стояли в траве среди осыпавшихся с дерева яблок.

— Привет, Нинни! — закричала Мю. — Ты спала, как сурок. Когда ты покажешь свою мордочку? Ну и страшилище ты, небось... Раз тебе даже пришлось стать невидимой...

— Замолчи, — зашептал Муми-тролль, — она обидится. — И он засуетился вокруг Нинни, приговаривая: — Не обращай на Мю внимания. Она грубиянка. У нас тебя никто не обидит. И забудь ты про эту злую тетку. Она не сможет забрать тебя отсюда...

В тот же миг лапки Нинни потускнели и стали едва различимыми в траве.

— Дорогуша, ты осел, — рассердилась мама. — Неужели непонятно, что малышке нельзя об этом напоминать. Собирай яблоки и не болтай.

Они собирали яблоки.

Ниннины лапки постепенно снова стали видимыми, они взбирались на дерево.

Было прекрасное, осеннее утро, и хотя в тени у всего семейства немного мерзли носы, на солнце казалось почти по-летнему тепло. После ночного дождя все вокруг сверкало яркими красками. Когда

сбор яблок закончился, папа вынес самую большую мясорубку, и они приступили к приготовлению яблочного пюре.

Мама накладывала яблоки в мясорубку, Муми-тролль крутил ручку, а папа относил банки на веранду. Малышка Мю сидела на дереве и распевала Главную Яблочную Песню.

Вдруг что-то звякнуло.

Посреди садовой дорожки высился холмик из яблочного пюре, весь оцетинившийся осколками. А рядом стояли Ниннины лапки, которые вот-вот должны были исчезнуть.

— Да, да, — сказала мама. — Это та самая банка, которую мы обычно отдаем шмелям. Теперь нам не надо нести ее на луг. Да и бабушка всегда говорила, что выросшее на земле в землю и возвращается.

Ниннины лапки появились вновь, на этот раз вместе с парой тоненьких ножек, над которыми, едва заметный, мелькал коричневый подол платья.

— Я вижу ее ноги! — закричал Муми-тролль.

— Поздравляю, — сказала малышка Мю, глядя на Нинни с яблони. — Тебя стало больше. Но почему ты ходишь в этом дурацком коричневом платье?

Мама молча кивала головой и думала о своей мудрой бабушке и ее снадобье.

Нинни ходила за ними целый день. Они привыкли к звону колокольчика, который сопровождал их повсюду, и им больше не казалось, что Нинни — какая-то невидаль.

К вечеру они почти забыли о ней. Но когда все пошли спать, мама достала из своего шкафчика розовую шаль, чтобы сшить из нее маленькое платьице. Когда платье было готово, она отнесла его в восточную комнату, где уже погасили свет, и осторожно разложила на стуле. А из оставшейся ткани сделала широкую ленту для волос.

Маме все это было ужасно интересно. Ей казалось, что она снова шьет наряды для кукол. А самое забавное было то, что она даже не знала, какой цвет волос у ее куклы — черный или золотистый.

На следующий день Нинни появилась в новом платье. Видимая до самой шейки, она спустилась к утреннему кофе, сделала реверанс и пропищала:

— Большое спасибо.

От неожиданности все так растерялись, что даже не нашлись, что ответить. Впрочем, они не очень хорошо представляли себе, куда именно надо смотреть, разговаривая с Нинни. Естественно, каждый попытался устремить взгляд туда, где, как они полагали, находились глаза, чуть повыше колокольчика. Но невольно все взоры поползли ниже, чтобы остановиться на чем-нибудь видимом. И выглядело это не совсем вежливо.

Папа откашлялся.

— Это очень хорошо, — сказал он, — что маленькую Нинни сегодня видно получше. Чем больше видишь, тем лучше...

Мю расхохоталась, стуча ложкой по столу.

— Это хорошо, что ты начала разговаривать, — сказала она. — Если только тебе есть, что рассказать. Ты знаешь какую-нибудь игру?

— Нет, — пропищала Нинни. — Но я слыхала, что есть дети, которые умеют играть.

Муми-тролль был в восторге. Он решил научить Нинни всем играм, которые знал.

После кофе они втроем спустились к реке и стали играть. Но оказалось, что играть с Нинни совершенно невозможно. Она приседала, делала реверансы и с самым серьезным видом твердила: «да, да, конечно», «очень приятно», «разумеется», но чувствовалось, что она играет из вежливости, а не для того, чтобы получить удовольствие.

— Ну, тогда побежали! — закричала Мю. — Или ты не умеешь даже бегать вприпрыжку?!

Тонкие ножки Нинни послушно побежали. Но почти сразу же она застыла на месте, опустив руки. Ничем не заполненный вырез платья над колокольчиком выглядел странно и беспомощно.

— Ты ждешь, чтобы тебя похвалили, да?! — закричала Мю. — Что, так и будешь стоять? Хочешь, чтоб я тебя поколотила?

— Лучше не надо, — пискнула Нинни.

— Она не умеет играть, — пробормотал Муми-тролль, у которого уже испортилось настроение.

— Она не умеет сердиться, — сказала малышка Мю. — Поэтому она такая. Знаешь что, — продолжала Мю, подходя к Нинни вплотную и глядя на нее с угрозой, — у тебя никогда не появится лица, пока ты не научишься драться. Уж можешь мне поверить.

— Да, конечно, — согласилась Нинни и с опаской попятилась. Так у них ничего и не вышло.

В конце концов они оставили попытки обучить Нинни какой-нибудь игре. Веселые истории ей тоже не нравились. Она ни разу не засмеялась в нужном месте. Она вообще не смеялась. А поскольку на рассказчика это действовало угнетающе, ее оставили в покое.

Дни шли, а Нинни по-прежнему оставалась без лица. Они уже привыкли видеть ее розовое платьице, повсюду сопровождавшее маму. Как только мама останавливалась, колокольчик переставал звенеть, когда же она шла дальше, он снова принимался названивать. Чуть повыше платья в воздухе покачивался большой розовый бант. Это производило странноватое впечатление.

Мама продолжала вливать в Нинни бабушкино домашнее средство, но ничего нового с ней не происходило. И мама отказалась от своей затеи, решив, что люди и раньше прекрасно обходились без головы, да и Нинни, возможно, была не такой уж красавицей.

Зато каждому представлялась возможность самому вообразить ее внешность, а это, согласитесь, часто помогает поддерживать знакомство.

Как-то раз семья шла лесом к песчаному берегу, чтобы вытащить из воды на зиму лодку. Нинни, как обычно, позванивала в конце процессии, но когда подошли к морю, она вдруг остановилась, улеглась животом на песок и захныкала.

— Что с Нинни? Она чего-то боится? — спросил папа.

— Может, она никогда раньше не видела моря, — сказала мама.

Она наклонилась и немного пошептала с Нинни. Потом выпрямилась и сообщила:

— Да, в первый раз. Нинни кажется, что море слишком большое.

— Изо всех безмозглых малявок... — заговорила Мю, но мама строго на нее взглянула и сказала:

— Ты сама не умнее. Теперь давайте вытаскивать лодку.

Они прошли по мосткам к купальне, где жила Туу-тикки, и постучали.

— Привет, — отозвалась Туу-тикки, — что там у вас с невидимым ребенком?

— Не хватает только мордочки, — ответил папа. — В данный момент она немного не в себе, но это пройдет. Не сможешь ли нам

— Само собой, — сказала Туу-тикки. Когда лодку вытащили и она лежала килем вверх, Нинни, подобравшаяся к самой воде, неподвижно стояла на мокром песке. Никто не обратил на нее внимания.

Мама уселась на мостки и смотрела в воду.

— Как там, наверное, холодно, — сказала она. Потом зевнула и добавила: — Давненько у нас не происходило ничего забавного.

Папа подмигнул Муми-троллю, сделал страшную гримасу и стал медленно подкрадываться к маме сзади.

Разумеется, он не собирался сталкивать ее в море, как, бывало, делал в молодости. Наверное, даже и напугать не собирался, а хотел только позабавить ребятшек.

Но не успел он подкрасться к маме, как раздался вой, алая молния пронеслась над мостками, и папа завопил во всю плотку, уронив в воду шляпу. Это Нинни вонзила свои невидимые зубки в папин хвост, а зубки у нее были острые.

— Bravo, bravo! — закричала Мю. — Лучше даже я не смогла бы!

Нинни, с рассерженным личиком, вздернутым носиком и рыжей челкой на лбу, стояла на мостках и шипела на папу, словно кошка.

— Видно, ее видно! — вскричал Муми-тролль. — И какая она славная!

— Да уж, славная, — пробурчал Муми-папа, разглядывая свой укушенный хвост. — Это самый бестолковый, самый плутовый, самый невоспитанный ребенок, которого мне когда-либо приходилось видеть, хоть с головой, хоть без нее.

Улегшись на мостки, он попытался палкой выловить свою шляпу. И как-то так получилось, что папа поскользнулся и бултыхнулся в воду.

Но тут же и вынырнул. Упершись ногами о дно, он высунул из воды мордочку, уши у него были забиты тиной.

— Вот это да! — закричала Нинни. — Как здорово! Как чудесно!

И она расхохоталась так, что затряслись мостки.

— Раньше она вроде бы никогда не смеялась, — проговорила изумленная Туу-тикки. — Сдается мне, этот ребенок у вас так

изменился, что стал даже хуже малышки Мю. Но главное — теперь ее видно.

— И все это бабушкина заслуга, — сказала мама.